

19 Marysheva N.I. Mezhdunarodnaja pravovaja pomoshh' po grazhdanskim i ugolovnym delam : avtoreferat dis. ... doktora juridicheskikh nauk: 12.00.03 / In-t zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF. – Moskva, 1996. – 57 s.

20 Potapenko E.G. Kompleksnye obrazovaniya v sisteme rossijskogo prava / E.G. Potapenko // Izvestija Saratovskogo un-ta. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo». – 2013. – T. 13. – Vyp. 3. – S. 360–369.

21 Ioffe O.S. O sisteme sovetskogo prava / O.S. Ioffe, M.D. Shargorodskij // Sov. Gos-vo i pravo. – 1957. – № 6. – S. 105–114.

22 Konstitucija Respubliki Belarus': nauch.-prakt. kommentarij / pod obshh. red. P.P. Miklashevicha, O.I. Chupris, G.A. Vasilevicha. – Minsk: Nac. centr prav. informacii, 2024. – 441s.

23 Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava / S.S. Alekseev. – M.: Jurid.lit-ra, 1975. – 455s.

24 Abdulloev P.S. Mezhdunarodno-pravovaja pomoshh' pri sobiranii i proverke dokazatel'stv po ugolovnym delam: UPK Respubliki Tadzhikistan : dissertacija ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09 / Abdulloev P. S.; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2014. – S. 19–20.

25 Belousov S.A. Podotrasl' prava / S. A. Belousov // Nauchno-obrazovatel'nyj portal «Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija». – URL: <https://bigenc.ru/c/podotrasl-prava-020404> (data obrashhenija: 14.09.2025).

26 Usenko S.P. Sootnoshenie ponjatij instituta i subinstituta v ugolovnom prave / S.P. Usenko // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. – 2023. – № 2. – S. 37–45.

27 Samarin V.I. Mezhdunarodnaja pravovaja pomoshh' po ugolovnym delam: ucheb. posobie / V. I. Samarin, G. M. Tret'jakov, V. M. Kozel; pod red. V. I. Samarina. – Minsk: BGU, 2022. – S. 24–25.

МРНТИ 10.07.27

10.51889/2959-6181.2025.82.4.002

УДК 321.01; 340.11:1

Б.А. Тайторина^{1*}

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

(e-mail: [*binur.a@mail.ru](mailto:binur.a@mail.ru))

СЛУЖЕБНАЯ ЭТИКА КАК АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ КАРКАС

Аннотация

В статье исследуется антикоррупционная функциональность этики в теоретико-правовом измерении. Теоретической основой служат добродетельная и деонтологическая традиции (Аристотель, Кант), секулярно-рационалистская линия (Лессинг), а также восточные концепции этики управления (Конфуций, аль-Фараби и др.). В исследовании обосновано, что философские категории добродетели, долга, ответственности и пределов власти формируют нормативные основания неподкупности, которые в правовом поле выражаются в универсализемости правил, публичности обоснованности решений и режимах недопущения конфликта интересов. В качестве методологической основы используется междисциплинарный синтез как нормативно-концептуальная реконструкция основных аргументов и сравнительно-правовой анализ международно-правовых стандартов целостности и национального регулирования. На этой основе формулируется цепочка ценности этики, от идеала к норме и правовому режиму как

условие возможности устойчивой конфигурации институтов. Теоретический результат состоит в уточнении статуса служебной этики как самостоятельного источника валидности антикоррупционных требований и в обосновании необходимости их универсальности, публичности и непротиворечивости в правопорядке.

Ключевые слова: ценности, служебная этика, антикоррупционная политика, добродетель, долг, конфликт интересов, верховенство права.

B.A. Taitorina¹

*¹ Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: binur.a@mail.ru)*

ҚЫЗМЕТТІК ЭТИКА СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ ТЕТІК РЕТИНДЕ: ТЕОРИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗ

Аннотация

Макалада теориялық-құқықтық өлшемдегі этиканың сыйайлас жемқорлыққа қарсы функционалдығы зерттеледі. Зерттеудің теориялық негізін ізгіліктік және деонтологиялық дәстүрлер (Аристотель, Кант), секулярлы-рационалистік бағыт (Лессинг), сондай-ақ басқару этикасының шығыс тұжырымдамалары (Конфуций, ал-Фараби және басқалар) күрайды. Зерттеу ізгілік, парыз, жауапкершілік және билік шектеулерінің философиялық санаттары тұтастықтың нормативтік негіздерін құрайтынын дәлелдейді, олар құқықтық салада ережелердің әмбебаптығында, шешімдердің негіздемесінің жариялышында және мұдделер қақтығысының алдын алу режимдерінде көрініс табады. Әдістемелік негіз ретінде пәнаралық синтез негізгі аргументтерді нормативтік-тұжырымдамалық қайта құру және тұтастық пен ұлттық реттеудің халықаралық-құқықтық стандарттарын салыстырмалы-құқықтық талдау ретінде қолданылады. Осы негізде этиканың идеалдан нормага, ал нормадан құқықтық режимге дейінгі құндылықтар тізбегі түзілетіндігі және оның институттардың орнықты құрылымын қамтамасыз ететін шарт екендігі тұжырымдалады. Теориялық нәтиже сыйайлас жемқорлыққа қарсы талаптардың дұрыстығының дербес көзі ретінде қызметтік этика мәртебесін нақтылаудан және олардың әмбебаптығы, жариялышы және құқықтық тәртіpte бірізділігі қажеттілігін негіздеуден тұрады.

Түйін сөздер: құндылықтар, қызметтік этика, сыйайлас жемқорлыққа қарсы саясат, ізгілік, борыш, мұдделер қақтығысы, құқық үстемдігі.

B.A. Taitorina¹

*¹ Abai Kazakh National Pedagogical University
(e-mail: binur.a@mail.ru)*

SERVICE ETHICS AS AN ANTI-CORRUPTION MECHANISM: THEORETICAL AND LEGAL FRAMEWORK

Abstract

The article examines the anti-corruption functionality of ethics in the theoretical and legal dimension. The theoretical basis is the virtuous and deontological traditions (Aristotle, Kant), the secular-rationalist line (Lessing), as well as the Eastern concepts of management ethics (Confucius, al-Farabi, etc.). The study substantiates that the philosophical categories of virtue, duty, responsibility and the limits of power form the normative foundations of incorruptibility, which in the legal field is expressed in the universality of the rules, the publicity of the reasonableness of decisions and the regimes for avoiding conflicts of interest. Interdisciplinary synthesis is used as a methodological basis as

a normative and conceptual reconstruction of the main arguments and a comparative legal analysis of international legal standards of integrity and national regulation. On this basis, the value chain of ethics is formulated, from the ideal to the norm and the legal regime as a condition for the possibility of a stable configuration of institutions. The theoretical result is to clarify the status of professional ethics as an independent source of the validity of anti-corruption requirements and to substantiate the need for their universality, publicity and consistency in the rule of law.

Keywords: values, professional ethics, anti-corruption policy, virtue, duty, conflict of interests, rule of law.

Введение

Антикоррупционная проблематика имеет не только юридическое, но и первично-нормативное измерение, поскольку в ее основе лежат философско-этические представления о должном, справедливости и границах власти. Этика задает параметры для институционального дизайна: в ее основании добродетель (этика характера) - для формирования устойчивых поведенческих привычек служащего; долг и универсализация нормы (деонтология) - для запрета исключений для своих и инвариантности процедур; секулярная автономия морали - для обоснования публичности и подотчетности как источников легитимности; идеи пределов власти и ответственности - для архитектуры противовесов и риск-менеджмента. В таком ракурсе философия служит не метафизическим фоном, а механизмом превенции: она переводит ценности в правила, процедуры и организационные практики, минимизирующие коррупционные стимулы [1; 2; 3].

Дальнейший анализ строится как сравнительно-концептуальная реконструкция главных линий: от платоновского понимания распада полиса при смешении частного и публичного к аристотелевской модели добродетели; от кантовского категорического императива (универсализация, принцип публичности, уважение личности как к цели) к лессинговской идеи взросления морали и ее опоры на разум и открытость.

Восточные традиции дополняют картину: конфуцианская связка добродетели и ритуала как внутренних регуляторов поведения; легистская установка на безличный закон и исключение личной дисcretion: исламская политическая философия аль-Фараби и других мыслителей, увязывающая добродетель правителя с устройством справедливых институтов. Такая матрица «идея - институция - процедура - эффект» позволяет увязать философские категории с практиками служебной этики - управлением конфликтом интересов, транспарентностью, мотивированной решений, коллегиальностью и «cooling-off» - тем самым проясняя, каким образом этика функционирует как системный антикоррупционный фильтр в публичном управлении.

Материалы и методы

Исследование является междисциплинарным и объединяет нормативно-теоретический и сравнительно-правовой аналитические уровни. На теоретическом уровне реконструируются философские основания служебной этики. На институциональном уровне проводится сравнительно-правовой анализ международных стандартов целостности и национального регулирования с выделением основных модулей превенции.

Источниковой базой служат международные акты и руководства, национальные акты Республики Казахстан, первичные философские тексты и авторитетные энциклопедии, публикации по мотивации служения, этическому климату и управлению конфликтом интересов. Методологическую основу составляет комплекс научных методов: системно-структурный, сравнительно-правовой и нормативно-концептуальный анализ, формально-юридический метод, герменевтический анализ первоисточников, контент-анализ кодексов и процедур. Использованный междисциплинарный дизайн обеспечил валидную связь философских оснований с правовыми режимами и управлеченческой логикой.

Результаты и обсуждение

У Платона коррупция - это деградация полиса при господстве желательной части души и смешении частного и публичного; противоядие – воспитание стражей и устранение соблазнов частной выгоды у правящих. Этика институционализируется через отбор и образование элиты, снимает соблазны ренты, фаворитизма и злоупотребления властью [4].

Идея этики добродетелей Аристотеля заключается в том, что добродетель умеренности, справедливости и благородства обеспечивает выбор в пользу общественного блага, а не ситуативной выгоды. Аристотелевская идея в антикоррупционной оптике выстроена на теологической основе. Согласно этой идеи благо человека мыслится как осуществление соответствующей ему функции (деятельности) согласно разуму и добродетели. Такой подход снимает ложную дилемму «нравственность - практичность»; в публичной службе функция должности предполагает распоряжение доверенными полномочиями в интересах полиса, а добродетель задает норму качественного исполнения этой функции [5].

Коррупция, в свою очередь, есть системное расхождение между назначением на должность и фактическим употреблением власти для частной выгоды, она телесно извращает цель деятельности, подменяя общее благо частной полезностью (плеонексия - «желание иметь больше, чем подобает»).

У Аристотеля различаются нравственные добродетели (мужество, умеренность, щедрость, справедливость и др.) и интеллектуальные добродетели (мудрость, рассудительность, практическая мудрость). Нравственные добродетели задают устойчивость влечений, интеллектуальные - качество суждения. В публичной службе этот дуализм последовательно переводится в разделение; а) устойчивые поведенческие стандарты, синтезирующие неподкупность, воздержание от подарков, корректность в общении; б) способность квалифицированно применять норму к конкретным обстоятельствам (дискреция без произвола).

Добротель есть привычка действовать должным образом, которая внедряется не декларациями, а элементарным повторением правильных действий и педагогикой закона. Для государственной службы это означает, что устойчивое не коррупционное поведение есть продукт институционально заданной рутины - регулярных самоотводов, стандартных отказов от даров, протоколирования контактов, обязательных суждений дилемм в командах. Закон, по Аристотелю, воспитывает не только страхом санкций, но и распорядками, упражнениями, поощрениями: формальная и неформальная инфраструктура службы становится школой добродетели.

Добротель – это середина между пороками избытка и недостатка. В антикоррупционной парадигме он представляет собой не компромисс с нарушением, а умение держаться в пределах должного. Так, щедрость противостоит мздоимству (избыток корысти) и жестокому конфискаторству (избыток репрессивности); умеренность - клановой благосклонности и бюрократической черствости; справедливость - фаворитизму и механическому равенству, игнорирующему релевантные различия.

Для Аристотеля добродетель есть синтез всеохватывающей и частной добродетели. Справедливость совершенная – это добродетель по отношению к другим, добродетель всех добродетелей на публичной сцене. Справедливость способна проявляться в частных формах: распределительная добродетель означает пропорциональное распределение благ и бремени; уравнительная заключена в возмещении ущерба, восстановлении распределения. Коррупция, как известно, нарушает обе: и распределительную, несправедливо перераспределяя контракты, должности, ресурсы, и уравнительную, деформируя ответственность и наказание. Антикоррупционные процедуры – это, по сути, институционализация справедливости: критерии отбора и ранжирования, процедуры обжалования, прозрачная мотивировка и восстановление нарушенных прав.

В «Этике» и «Политике» Аристотель критикует плеонексию, то есть стремление обладать большим сверх должного, видя в ней коренной источник несправедливости. В публичной службе плеонексия проявляется в распределении контрактов своим, в рентном поиске, в

раздувании сервисных сборов, в злоупотреблении дискрециями. Противовес представляет собой институциональную меру: разделение функций, лимиты полномочий, ротации, запреты на совмещения, нулевые стандарты подарков, то есть все то, что возвращает практики к пропорции должного.

Аристотель отводит законодателю функцию педагога, который способен устроить институты так, чтобы граждане привыкали к достойному. В контексте антикоррупционной политики это означает, что закон создает структуры привычек (регистры интересов, обязательные декларирования, типизация конфликтов); практика обеспечивает повторяемость правильного действия (чек-листы, тренажеры, ритуалы прозрачности); поощрения и карьерные маркеры связаны не результатом любой ценой, а с проявленной добродетелью, т.е. благородством, справедливостью, умеренностью.

Аристотелевская теория добродетели не является моральной декларацией правопорядка, напротив, она обеспечивает микромеханику неподкупности через практическую мудрость и справедливость, встроенные в институты и процедуры. В терминах публичного управления это означает, что истинная антикоррупционная устойчивость достигается не исключительно санкцией, а организацией привычек: повторяющимися практиками, в которых должностное лицо неизменно выбирает общее благо и делает это по твердой привычке, то есть добродетельно [5].

У Цицерона в трактате *De officiis* полезное и достойное/честное принципиально неразделимы. Действительно полезно для гражданина и магистрата лишь то, что соответствует достоинству добродетельного поступка и служит *res publica*. Когда кажется, что частная выгода вступает в конфликт с честью, это только видимость неправильного расчета; в правильной оценке истинная польза совпадает с честью и с общим благом полиса. Отсюда коррупция понимается не как частный проступок, а как нарушение публичного долга и верности государству: магистрат, монетизирующий власть, предает порученную ему общую пользу. Следствием должны быть публичная ответственность и правовое возмещение: судебное преследование (в римской практике – по делам о вымогательствах и злоупотреблениях, реституция казне и общинам, а также утрата политической чести. Таким образом, цицероновская этика должности институционально интегрирована в антикоррупционный порядок: то, что выгодно лишь частному лицу, но вредит общему благу, не может считаться ни честным, но по-настоящему полезным [6].

В кантовской традиции категорический императив задает строгую универсализацию максим: поступай так, чтобы максима твоего поступка стала всеобщим законом. Тем самым коррупционные стратегии, основанные на исключениях для своих, логически самоуничтожаются как противоречивые общему праву. Такие коррупционные практики как взятка, фаворитизм, «исключения для своих», порождают противоречие в своем понятии: если сделать их всеобщим правом, рушится институт публичной должности и правовой процедуры. По «формуле человечества» Кант требует относиться к каждому человеку как к цели самой по себе, а не как к инструменту для чужих выгод. Коррупция нарушает это требование: гражданина фактически используют, когда его право или доступ к ресурсу обменивают на частную выгоду должностного лица (например, «ускорение» за взятку). Такое обращение унижает достоинство и правовой статус человека, поэтому в кантовской логике оно принципиально аморально и не может быть признано нормой. Категорический императив задает не утилитарный расчет выгод, а строгие нормативные пределы, внутри которых служебная этика превращается в антикоррупционный механизм [7].

Нормативная позиция Лессинга сводится к тому, что мораль – это не производная от внешней сакрализации, а результат автономного признания разумной воли, поэтому политико-административная практика должна опираться не на страх и приватные договоренности, а на публично обоснованные решения и внутреннюю обязанность действовать должным образом. Так, нормативная интуиция Лессинга о взрослении человеческого рода задает прямую логику антикоррупционной функциональности этики. Коррупция есть не только правонарушение, но и

регресс моральной формы, по сути это подмена автономного долга частной выгодой, возврат к гетерономии, где поведение регулируют не универсальные основания, а случайные интересы и «тайная сделка» [2].

Антикоррупционная функциональность этики в лессинговском ключе проявляется как педагогика автономии. Мораль без внешнего надзора требует воспитания способности действовать из разумно признанной обязанности. На уровне публичной службы это означает культивирование устойчивых установок неподкупности, отказа от привилегий и отвержения «исключений для своих» не из-за риска наказания, а потому что такие практики логически не совместимы с признанием равного достоинства и общезначимых правил. Этическая культура здесь выступает не риторическим украшением, а механизмом формирования зрелой мотивации служащего: нарушение этики неприемлемо по разуму.

Кроме того, секуляризация морали Лессинга требует публичности основания решений. Если нормативная сила исходит из рациональной общезначимости, то каждое значимое административное действие должно сопровождаться открытым предъявлением причин, открытых для общественного контроля и обсуждения. Публичность и подотчетность в таком понимании не просто техническая прозрачность, а этический принцип обоснования. Решение правомерно постольку, поскольку его основания способны выдержать свет публичного разума.

Ницше критикует «волю к власти», и это обосновывает диагностику коррупциогенности персоналистского лидерства: когда амбиции иерархии перекрывают публичный интерес, этические рамки становятся институциональной страховкой от злоупотребления властью [3].

В конфуцианской политической этике управление мыслится как воздействие добродетелью и ритуально-нормативным порядком, которые формируют у служащего внутренний стыд, образцовость поведения и привычку действовать должным образом не из страха наказания, а из нравственного самообязывания. Антикоррупционный эффект достигается через соответствие имени и роли. Чиновник, ориентированный на требования, удерживается от частной ренты и фаворитизма, а приоритет морального примера правителя и отбор по добродетели системно уменьшают зависимость порядка от репрессий и серых практик, благоприятствуют неподкупности [8].

В доктрине Мэн-цзы «природа человек добра» делает возможной политику добродетели и принцип народоцентричности: легитимность власти вытекает из практики, обеспечивающей достойную жизнь, умеренные налоги и отсутствие произвола. Коррупция в этой оптике – признак утраты «сердец народа», и, следовательно, Небесного мандата. Она разрушает доверие и тем самым аннулирует моральное право правителя на повиновение. Антикоррупционная функция этики у Мэн-цзы реализуется через личную добродетель правителя, подбор достойных министров и институциональные практики, исключающие личную выгоду и фаворитизм [9].

Легисты (Хань Фэй-цзы и др.) обосновывают приоритет беспристрастного закона и дизайна институтов над личной добродетелью чиновника. Устойчивость порядка обеспечивается не моральными качествами исполнителей, а публично известными, единообразно применяемыми нормами, закрепленными в наказаниях и вознаграждениях. Этому соответствуют два дополняющих элемента – техники управления как организационные приемы контроля исполнения (распределение полномочий, проверка отчетности, сопоставление слов и дел), и позиционная сила правовой компетенции – та институциональная «инерция», которая не позволяет подменять правило личной волей. Решение должно вытекать из стандарта, а не из статуса, знакомства или неформального закона [10].

Важно учитывать современную корректировку: классический легизм – это «rule by law» (инструмент властевования, тогда как правовое государство строится на верховенстве власти. Тем не менее, операционные уроки легизма как приоритет ясных норм, единообразного применения и управлеченческого контроля – прямо усиливают антикоррупционную функциональность этики: чем меньше зависимости от личной диспозиции чиновника, тем слабее стимулы к личной выгоде, фаворитизму и «телефонным» вмешательствам.

У Аль-Фараби целостность политического устройства определяется теологией: цель «добродетельного города» - совместное достижение счастья, чему соответствует разумное руководство и согласование частных действий с общим благом. Заблудшие и порочные города – это такие, где цели подменены частной выгодой и славолюбием, что делает власть внутренне нестабильной и коррупциогенной. Отсюда практическое следствие: этика правителя и подбор достойных помощников неразделимы с институциональными формами (разделением функций, публичным учетом мотивов решений, наставничеством и образованием, которые поддерживают ориентацию на общее благо) [11; 12].

Аль-Газали трактует несправедливость как структурную порчу порядка: она разрушает доверие и легитимность власти, даже если формальные процедуры соблюdenы. Этика служения у Аль-Газали дополняет позитивное право через дисциплину совести, религиозно-нравственный контроль и обязанность правителя удерживать себя и окружение от корыстной эксплуатации подданных; в управлеченческой практике это поддерживает превентивные меры против злоупотреблений, от прозрачности решений до персональной ответственности за ущерб [13].

В «Сияват-наме» Низам аль-Мульк описывает «зеркало государей», где этика правителя подкрепляется административным дизайном: тщательным подбором кадров, регулярными проверками, тайным инспектированием, документированием и отчетностью по решениям. Его рецепт против злоупотреблений - не морализование в одиночку, а организация контроля: фиксированные обязанности, наблюдение за исполнением, наказуемость отклонений и практики «видимости» власти (протоколы, письма, ревизии) – все то, что снижает пространство для клановой ренты и фаворитизма [14].

Иbn Халдун связывает устойчивость государства с качеством социальной сплоченности: по мере ее эрозии элиты склонны к роскоши, фискальному произволу и конфискационным практикам, что ускоряет распад политического организма. Коррупция и несправедливое налогообложение здесь не частные пороки, а макропричины упадка; следовательно, антикоррупционная этика требует умеренности фиска, предсказуемости права и защиты собственности как условий воспроизведения доверия [15].

Таким образом, философские концепты, такие как добродетель, долг, ответственность, границы власти, задают ценностный контур, который правовыми и организационными средствами переводится в повседневную практику: регламенты подарков и взаимодействия с внешними стейкхолдерами, публичная мотивировка решений, декларации интересов и активов, коллегиальные механизмы и ограничения постслужебной занятости (*cooling-off*).

В функциональном измерении служебная этика выполняет три взаимосвязанные задачи, касающиеся нормативизации поведения, управления конфликтом интересов и культуры неподкупности. Как правило, кодексы и стандарты формулируют такие критерии допустимого как запрет фаворитизма, недопущение использования служебной информации в личных целях, корректное взаимодействие с гражданами и бизнесом. Таковые нормы задают базовую линию для дисциплинарной и антикоррупционной практики¹.

Центральная антикоррупционная идея представлена смещением фокуса с наказания к управлению рисками до события: декларирование частных интересов, тесты независимости, отвод и перераспределение полномочий. Международный бенчмарк здесь - Руководящие принципы ОЭСР по управлению конфликтом интересов в публичной службе².

Исследования показывают, что мотивация служения и этическая культура снижают готовность подчиняться неэтичным требованиям руководителей, усиливают нетерпимость к серым практикам и повышают вероятность сообщения о нарушениях [16; 17].

¹ Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024 // <https://www.transparency.org/en/cpi/2024>

² Рекомендации совета по вопросам публичной добропорядочности // <https://legalinstruments.oecd.org/api/download/?uri=/public/3f00f40e-d938-4326-a23e-9ed9044eed3.pdf>

Для устойчивого перевода ценностных требований в управлеченческую практику требуется институционально независимая (в пределах ведомства) функция этических офицеров. Речь идет о двойной подотчетности: административно - руководителю органа, функционально - центральному уполномоченному органу по целостности/этике, с закреплением гарантий статуса (срок полномочий, отдельная бюджетная строка, запрет необоснованного смещения).

Предпосылкой эффективной превенции является институционально оформленная и функционально независимая этическая функция, способная вмешиваться до наступления события риска. В условиях, когда коррупционные стимулы возникают на стыке личной заинтересованности и дискреции, именно предварительная этическая экспертиза обеспечивает перенос фокуса с постфактум-санкций на предупреждение.

Следовательно, мандат этического офицера должен быть сконструирован так, чтобы охватывать полный цикл управлеченческого решения, начиная от консультирования на входе до публичной отчетности об итогах профилактики. Тем самым этическая оценка становится регулярной процедурой управления рисками, встроенной в документооборот и не зависящей от ситуативной воли руководителя.

Мандат этического офицера должен включать право инициировать повторную проверку оснований решения и состава коллегиального органа при выявлении рисков. Юридически это выражается в возможности кратковременной приостановки процедуры, проведении дополнительной проверки и принятии корректирующих мер, пересмотр технического задания или критериев.

Такая конструкция повышает прозрачность и делает отклонения из правил проверяемыми. Декларирование и самоотвод функционируют не как репрессивные санкции, а как обычные процедуры снижения риска, активируемые в момент возникновения потенциальной заинтересованности. Ежегодная отчетность завершает логический цикл, превращая индивидуальные решения в институциональное обучение. Публичность показателей создает внешнюю подотчетность, поддерживает единые стандарты качества и обеспечивает обратную связь заинтересованных сторон.

В совокупности такая архитектура снижает зависимость этической экспертизы от текущей управлеченческой конъюнктуры и переводит этику из сферы декларативной морали в регулярную управлеченческую технологию, направленную на выполнение превентивной функции. Так реализуется требование антикоррупционной функциональности: этика не просто формулирует ценность, а задает воспроизводимую последовательность шагов, обеспечивающую предсказуемый профилактический эффект.

Этика проявляет антикоррупционную функциональность лишь тогда, когда ценностные основания переводятся в правила и управлеченческие процедуры, а затем в измеряемые поведенческие эффекты. Эта цепочка концептуально опирается на философские традиции и институционально поддерживается международными стандартами.

Для Казахстана ближайшие резервы - формализация и независимая подотчетность этической функции комиссии, полнофункциональные реестры интересов, защищенные каналы сообщений с процессуальными гарантиями и интеграцией показателей в КРП руководителей, а также риск-процедуры в закупках, лицензировании и контроле. Успех измеряется не количеством наказаний, а устойчивой нормализацией честного поведения и ростом доверия к процедурам, что корреспондирует как философским основаниям, так и современным эмпирическим исследованиям. Итоговый критерий успеха - нормализация честного поведения и рост доверия к процедурам, что согласуется с международными стандартами целостности.

Заключение

Служебная этика обладает самостоятельной нормативной силой в архитектуре противодействия коррупции. Философские категории добродетели и долга, дополненные идеями пределов власти и публичности, задают теоретические условия непротиворечивости и универсали-зуемости управлеченческих норм. В правовом измерении это выражается в

требованием беспристрастного применения правил, публичной мотивировки решений и последовательном недопущении конфликта интересов как структурной угрозы равенству перед правом. Тем самым этика перестает быть лишь декларацией ценностей и выступает источником валидности для антикоррупционных требований, связывая идеал справедливости с формой правового режима.

Согласование философских оснований с теорией публичного права формирует закономерности развития ценностей, от нормы должного к юридической форме и институциональному порядку. Универсальность правила, уважение к личности как к цели, прозрачность и проверяемость решений образуют связный каркас, в котором предупреждение коррупции становится следствием внутренней согласованности правопорядка, а не внешней репрессивной активности. В этом смысле служебная этика выполняет системную функцию, задавая стандарты мотивировки и закрепляя приоритет общего блага над частной выгодой в самой логике управления.

Научный результат исследования состоит в уточнении статуса служебной этики как основания нормативной валидности антикоррупционных требований и в артикуляции принципов, обеспечивающих их устойчивость (универсальность, публичность, непротиворечивость и равенство применения). В результате служебная этика предстает не вспомогательным, а конститутивным элементом антикоррупционного правопорядка, обеспечивающим связь между ценностной легитимностью и юридической формой.

Благодарности

Данное исследование было профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR27195163 Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Казахстана).

Список использованной литературы:

- 1 Канке В.А. Этика ответственности: Теория морали будущего. - М.: Логос, 2003. - 350 с.
- 2 Лессинг Г. Воспитание человеческого рода (1780) / пер. М.И. Левина // Том 1: Лики культуры: альманах. – М.: Юрист, 1995. – С. 479-500
- 3 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: Изд.: Фолио. – 2013. – 448 с. и др.
- 4 Brown E. Plato's Ethics and Politics in The Republic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2017 /Ed. E.N. Zalta. - <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/plato-ethics-politics>
- 5 Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. в 4-х т., т.4. – М.: Мысль, 1978. – С.53-294
- 6 M.Tullius Cicero. On Duties (De Officiis). – Loeb Classical Library 30 / transl. Walter Miller. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1913 // <https://www.loebclassics.com/view/LCL030/1913/volume.xml>
- 7 Кант И. Критика практического разума // Соч.: в 6 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1965. — 529 с.
- 8 Лессинг Г. Воспитание человеческого рода (1780) /пер. М.И. Левина //Том : Лики культуры: альманах. – М.: Юрист, 1995. – С. 479-500.
- 9 Конфуций. Лунь юй / пер., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. - М.: Изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1998. - 588 с.
- 10 Mengzi: With Selections from Traditional Commentaries / transl. Bryan W. Van Norden. - Indianapolis–Cambridge: Hackett Publishing Company, 2008. — 207 p.
- 11 Han Feizi. Basic Writings / transl. Burton Watson. - New York: Columbia University Press, 2003. - 160 p.
- 12 Al-Fārābī. On the Perfect State (Mabādi' ārā' ahl al-madīna al-fāḍila): A Revised Text with Introduction, Translation and Commentary / transl. R.Walzer. - Oxford: Clarendon Press, 1985. – 569 p.
- 13 Druart T.A. al-Farabi // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2024 / Eds. E. N. Zalta, U.Nodelman // <https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/al-farabi/>
- 14 Griffel F. al-Ghazali // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020 / Ed. E. N. Zalta //<https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/al-ghazali/>

- 15 Nizām al-Mulk // Encyclopaedia Iranica // <https://iranicaonline.org/articles/nizam-al-molk>
- 16 The Muqaddimah. An Introduction to History by Ibn Khaldun.pdf // <https://ia903106.us.archive.org/22/items/etaoin/The%20Muqaddimah%20%E2%80%93%20An%20Introduction%20to%20History%20by%20Ibn%20Khaldun.pdf>
- 17 Odeh D. L. Professional Codes of Ethics for Public Administrators: What Are They Really Telling Us? // Public Integrity. – 2023. – Vol. 26(2). – P. 143–155. DOI: 10.1080/10999922.2023.2177042
- 18 Schott C., Bouwman R. Does public service motivation truly predict dishonesty? Behavioural evidence from the private and public sectors // International Review of Administrative Sciences. – 2023. – Vol. 90, № 2. – P. 474–489 - DOI: 10.1177/00208523231197758

References:

- 1 Kanke V.A. Jetika otvetstvennosti: Teorija morali budushhego. - M.: Logos, 2003. - 350 s.
- 2 Lessing G. Vospitanie chelovecheskogo roda (1780) / per. M.I. Levina // Tom 1: Liki kul'tury: al'manah. – M.: Jurist, 1995. – S. 479-500
- 3 Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla. – M.: Izd.: Folio. – 2013. – 448 s. i dr.
- 4 Brown E. Plato's Ethics and Politics in The Republic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2017 /Ed. E.N. Zalta. - <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/plato-ethics-politics>
- 5 Aristotel'. Nikomahova jetika // Aristotel'. Soch. v 4-h t., t.4. – M.: Mysl', 1978. – S.53-294
- 6 M.Tullius Cicero. On Duties (De Officiis). – Loeb Classical Library 30 / transl. Walter Miller. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1913 // <https://www.loebclassics.com/view/LCL030/1913/volume.xml>
- 7 Kant I. Kritika prakticheskogo razuma // Soch.: v 6 t. T. 4. – M.: Mysl', 1965. — 529 s.
- 8 Lessing G. Vospitaniye chelovecheskogo roda (1780) /per. M.I. Levina //Tom : Liki kul'tury: al'manakh. – M.: Yurist, 1995. – S. 479-500.
- 9 Konfucij. Lun' juj / per., vstup. st. i komment. L. S. Perelomova. - M.: Izd. firma «Vostochnaja literatura», RAN, 1998. - 588 s.
- 10 Mengzi: With Selections from Traditional Commentaries / transl. Bryan W. Van Norden. - Indianapolis–Cambridge: Hackett Publishing Company, 2008. — 207 p.
- 11 Han Feizi. Basic Writings / transl. Burton Watson. - New York: Columbia University Press, 2003. - 160 p.
- 12 Al-Fārābī. On the Perfect State (Mabādi' ārā' ahl al-madīna al-fāḍila): A Revised Text with Introduction, Translation and Commentary / transl. R. Walzer. - Oxford: Clarendon Press, 1985. – 569 p.
- 13 Druart T.A. al-Farabi // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2024 / Eds. E. N. Zalta, U.Nodelman // <https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/al-farabi/>
- 14 Griffel F. al-Ghazali // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020 / Ed. E. N. Zalta // <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/al-ghazali/>
- 15 Nizām al-Mulk // Encyclopaedia Iranica // <https://iranicaonline.org/articles/nizam-al-molk>
- 16 The Muqaddimah. An Introduction to History by Ibn Khaldun.pdf // <https://ia903106.us.archive.org/22/items/etaoin/The%20Muqaddimah%20%E2%80%93%20An%20Introduction%20to%20History%20by%20Ibn%20Khaldun.pdf>
- 17 Odeh D. L. Professional Codes of Ethics for Public Administrators: What Are They Really Telling Us? // Public Integrity. – 2023. – Vol. 26(2). – P. 143–155. DOI: 10.1080/10999922.2023.2177042
- 18 Schott C., Bouwman R. Does public service motivation truly predict dishonesty? Behavioural evidence from the private and public sectors // International Review of Administrative Sciences. – 2023. – Vol. 90, № 2. – P. 474–489 - DOI: 10.1177/00208523231197758